

Яна
Юматова

Верни мне папу
Дед Мороз

Яна Юматова

Дед Мороз, верни мне папу!

«Автор»

2026

Юматова Я.

Дед Мороз, верни мне папу! / Я. Юматова — «Автор», 2026

До полуночи двадцать минут. Мы с сыном сидим, прижавшись друг к другу в холодной квартире, и смотрим телевизор, когда в дверь кто-то звонит. — Кто это? — удивленно спрашивает Сережка. — Не знаю, сынок. Открываю дверь и застываю на месте, увидев на лестничной площадке убогого подъезда Алексея Болгарева. Не может быть. Это галлюцинация. Усталость. Стресс. Что он здесь делает? Почему он пришел? Зачем? — Здравствуй, Алиса, — раздается его знакомый до боли голос, который я слышала во снах все эти годы. — Мам! — Сережка выглядывает из-за меня. — Это кто? Я судорожно сглатываю и не могу произнести ни слова. — Твой папа, — отвечает Болгарев вместо меня*** Семь лет назад жених обвинил меня в измене и вычеркнул из своей жизни. Я уехала в маленький городок с тайной под сердцем. Семь лет я выживала и считала каждую копейку. А теперь мой бывший снова ворвался в мою жизнь, чтобы лишить меня самого дорогого...

© Юматова Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	12
Глава 5	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Яна Юматова

Дед Мороз, верни мне папу!

Глава 1

— Ах ты, негодник маленький! Сейчас поймаю за шкирку и оттащу в полицию! — орет дед из-за прилавка, заваленного копченостями.

А через секунду мою длинную дедморозовскую шубу дергает за край мальчишка лет пяти или шести.

— Сплячь меня, Дедушка Молоз! А то меня в полицию сдадут, Васька голодный останется. А мама ласстлоится! — скороговоркой произносит малец и прячется за красный мешок, который я поставил возле елки посреди праздничной ярмарки в захолустном городке.

Я не сторонник воровства и прочих детских проказ, но в голубых глазах мальчика мелькает такой искренний страх, что я загораживаю его мешком почти в тот самый момент, когда дед в замызганном фартуке подбегает ко мне.

— Куда делся этот негодник? Видел?

— Не видел, — отрезаю я. — А что он сделал?

— Да спер у меня колбасу! Отложил просрочку, чтоб масличком смазать, товарный вид придать, так сказать, а он, поганец, стащил!

— Так если продукция просроченная, убытка тебе никакого, чего гнаться за пацаном?

— Ну дык на распродажу поставлю, еще шабашку себе заработаю. Под Новый год-то копеечка не лишняя будет, — подмигивает мне мужик, а у меня от отвращения и злости кулаки сжимаются.

— А то, что люди потравиться могут, тебя никак не смущает? — еле сдерживая гнев, спрашиваю его.

— Да мне какое дело! Они и не колбасой потравиться могут. Ты чего это такой правильный? Нашелся здесь! — мужик, видимо, замечает в моем лице угрозу, поэтому отходит и топает к своему прилавку.

А я выуживаю мобильник из кармана красной шубы и отдаю приказ:

— Лавку «Копчености и деликатесы» проверить от и до, включая маркировки и сертификаты. Оштрафовать и закрыть к чертям.

— Ты что, не настоящий Дед Молоз? — слышу тихий шепот из-за мешка.

— Конечно, настоящий, что за вопросы? — прячу мобильник и поправляю белую бороду. — Выходи, никто не тронет тебя и в полицию не сдаст.

Мальчишка вылезает и с опаской озирается вокруг. Потом шмыгает покрасневшим носом и натягивает слишком тонкую для десятиградусного мороза шапку посильнее на уши.

Замечаю, как он прячет ручки в карманы куртки, а потом начинает мелко подпрыгивать на месте.

— Замерз? — спрашиваю мальчика.

— Есть немного.

— Какао хочешь горячего? — сам не знаю, зачем предлагаю.

Мальчишка застывает на месте, а в глазах вспыхивает тихий восторг.

— Ты что, наколдуешь? — почти благоговейным шепотом спрашивает он.

— Могу и наколдовать, но вон там в кафешке неплохо делают. Даже зефирками посыпают. У меня зефирки не получают, — вхожу в роль и говорю низким голосом.

Блин, по-идиотски, наверное, все это со стороны выглядит. Если бы Усманов или Волков увидели меня в этой шубе и с бородой, извели бы меня подколками. Слава богу, один сейчас в Таиланде, а второй на Мальдивах. А я какого-то черта поддался уговорам своего пиар-отдела и притащился в глушь с благотворительной миссией: раздавать бесплатные подарки детям этого городишки на новогодней ярмарке.

Ну вот кого тут удивлять? Здесь ни блогера ни одного, ни телеканала местного. Хотя пиарщики настаивали, что я убью двух зайцев одновременно: инкогнито узнаю о том, как идут дела на мясоперерабатывающем комбинате, который собираюсь купить, а заодно подтвержу свою репутацию мецената и благотворителя, которую активно будут использовать в моей предвыборной кампании.

— Тогда в кафе, — кивает мальчик, вырывая меня из мыслей.

— Рассказывай, зачем стащил колбасу, — спрашиваю строго у пацана, когда тот выдул кружку какао со взбитыми сливками и маршмеллоу.

— Так она все лавно ненужная была. Он ее в ведло блосил для пищевых отходов. Я уже умею читать, — важно поясняет мальчик. — А Васька голодный. Он же на улице живет.

— А если твой друг отравится?

— Да не отлавится, он уже ел такую. Ему нлавится, — мальчик трет нос и достает из кармана куртки пакет с парой охотничьих колбасок. Он нюхает содержимое и протягивает мне.

— Понюхай, она еще нолмальная. Для кота пойдет, Васька лад будет.

— Так Васька — это кот? — наконец доходит до меня.

— Ну да, кот дволовый обыкновенный. Он у нас во дволе живет. Но его никто не колмит. А я взял над ним шепство. Вместе с Катькой. Я бы домой его взял, но нельзя. Потому что хозяин нашей квалтилы злющий Балмалей! Вот с такой болодой! — малец делает страшную рожу и показывает руками бороду до пола. — И он не лазлешает в квалтиле домашних животных делжать.

Мальчик замолкает на минуту.

Я тоже молчу. Что тут скажешь?

— А ты настоящий-настоящий Дед Молоз? — снова спрашивает мальчик.

— Самый настоящий, — киваю я.

— А желания можешь исполнять?

— Конечно! — в детских глазах столько надежды, что я снова вру.

— Тогда сделай так, чтобы Балмалей исчез. Или чтобы мы пелелехали в длугую квалтилу с доблым хозяином.

От этого желания незнакомого ребенка в моей груди что-то болезненно сжимается. Почему этот мальчик не пожелал машинку, ролики, мешок конфет, в конце концов?

— И еще, если ты и плавда-плавда настоящий, а не сказочный, сделай так, чтобы мой папа велнулся...

Пока я соображаю, что ответить на это, дверь кафешки распахивается и влетает женщина.

— Сережка! Ты здесь? Слава богу! Я всю ярмарку обыскала! Ты почему убежал?

— Мам! Не лугайся! Я тут с Дедом Молозом настоящим познакомился, — мальчик встает из-за стола, а женщина тут же его к себе прижимает.

— Сережка! Я чуть с ума не сошла! — женщина всхлипывает, а потом переводит взгляд на меня.

И я чуть челюсть на пол роняю...

Глава 2

Мать мальчишки поднимает на меня взгляд голубых глаз, и моя челюсть едва к полу не опускается.

Ведь это Алиса. Та самая стерва, которая наставляла мне рога с моим старшим братом. Та, что клялась в любви, а сама раздвигала ноги за более ценные подарки.

Я, идиот, ей цветы в поле рвал, думал, она не такая, как все, которые велись на Картье и Гуччи. Знаю, что она любила гортензии, но запрещала мне их покупать, потому что они были дорогие.

Но, как выяснилось позже, все это было лишь игрой. От меня она принимала ромашки, а другим продавалась за цацки!

Хорошо, добрые люди нашлись и открыли мне глаза. Смог вырвать из сердца эту лживую гадину и ушел с головой в работу.

Память мгновенно подкидывает картинку, как Алиса со слезами на глазах твердила, что она не изменяла, и что любит только меня. Но как я мог не верить своим глазам, когда наблюдал, как Алиса выходила из подъезда дома, где жил мой братец Иван? В семь утра!

— Прости, брат, но все телки одинаковые! Все хотят баблишка, а не полевых цветочков и созерцания звезд! — сказал мне тогда Ваня, когда я спросил его напрямую, спит ли он с моей девушкой.

Да, Алиса — отличная актриса. Так натурально рыдала, а потом гордо собрала свои вещи и ушла из моей жизни. Понятия не имею, как она оказалась в этой глуши. Но бумеранг, похоже, вернулся к ней и хорошенько треснул. Пуховик явно не новый и далеко не Гуччи. Да и на пальцах с ненакрашенными ногтями не блестит ни одно колечко.

Все это проносится в голове за считанные секунды, пока я смотрю в усталое, но все такое же красивое лицо девушки, которую я когда-то любил до потери пульса.

А потом так же сильно ненавижу.

— Зачем вы привели сюда моего сына? Что вам нужно? — с вызовом спрашивает Алиса, заслоня собой мальчика.

— Мам, это же Дед Молоз! Он меня угостил какао и спас от злого колбасника, — громко шепчет мальчик.

— С тобой мы дома поговорим, — строго говорит она и снова смотрит на меня. Но не узнает. Да это и немудрено: в таком наряде меня мать родная не узнает.

— Подарки я раздаю, — говорю это, изображая старческий голос. Выходит фигня полная, конечно. Но уж как есть. — Вот держи, дружок.

Ныряю рукой в мешок и достаю оттуда пакет со сладостями. Протягиваю мальчику, а тот с восторгом рассматривает блестящую упаковку.

— Спасибо! — говорит он. — Мам, вот и для баб Нюси есть подалок! А ты пележивала!

Перевожу взгляд с мальчика на Алису и снова удивляюсь ребенку. Да что с ним такое?! Опять он не о себе думает!

Алиса же разглядывает меня с подозрением. Неужели узнала? Не то чтобы я боюсь, просто не хочу разговаривать с ней.

— Скажи Дедушке спасибо и пойдем домой. Нам еще мандарины купить нужно, — наконец она отводит от меня свой пронзительный взгляд.

— Спасибо. И не забудь пло мое желание! — шепчет на прощание мальчик.

Они выходят из кафе, а я еще долго смотрю на дверь, пытаюсь понять, что за странное беспокойство начинает зудеть в груди.

В кармане вибрирует мобильник.

— Да, — отвечаю, не глянув, кто звонит.

— Котик, ты когда вернешься? Твоя куколка скучает, — канючит в трубку Алина.

— Я работаю, вернусь завтра, говорил же, — сам не знаю, почему так резко разговариваю со своей невестой.

— Твоя мама ждет нас на праздничный семейный ужин в семь, ты точно успеешь?

— Успею, — отрезаю я, нажимая на отбой.

Плюхаю на стул, допиваю остывшее какао и вдруг чувствую, как внутри поднимается раздражение.

В дурацком костюме неудобно, лицо под фальшивой бородой вспотело и чешется.

К чертям все! По комбинату ясна ситуация, по реализационной сети тоже.

А вот что здесь делает Алиса — неясно. И откуда у нее ребенок, тоже неизвестно.

На этой мысли меня вдруг прошибает холодный пот.

Мальчишке на вид пять? Или все же шесть? Если шесть, то он Ванькин сын получается.

Или мой?..

Бред! Если бы был от меня, Алиса бы хрен смоталась. Вытянула бы из меня побольше денег.

Нет, этот вариант точно исключен.

А Ванька что же, отказался признавать? Или узнал, что она еще с кем-то мутила?

Так, стоп. Меня это вообще не касается. Алиса осталась в прошлом.

А мне пора отсюда сматываться.

Звоню помощнику и даю указания прислать машину и забрать меня с ярмарки.

По заснеженной дороге водиле сюда добираться минут двадцать, как раз успею раздать оставшиеся подарки.

Возвращаюсь к елке, вручаю детишкам, с опаской подходящим к сказочному деду, яркие кульки со сладостями, а сам почему-то думаю про мальчишку, который взял подарок не для себя, про его старенькую куртку, которая ему мала.

Хм, он попросил Деда Мороза сделать так, чтобы его отец вернулся...

Что это значит?

Ничего это не значит, Болгарев! Успокойся и думай о предстоящей сделке, выборах, о невесте, в конце концов!

Но сев в машину, я набираю начальника службы безопасности:

— Вадик, пробей Алису Александровну Еремину, 1998 года рождения.

— Есть, Алексей Иванович, найду все, что смогу.

— Вадик, ты не понял, мне нужно и то, что не сможешь, — чеканю в трубку и нажимаю отбой.

Почти два часа, что мы едем до аэропорта, я работаю в ноутбуке. Вернее, пытаюсь. Потому что мысли упорно идут в ненужное русло.

А если все-таки Алиса родила от меня? Есть в мальчишке что-то неуловимо знакомое. То ли в серьезном взгляде, то ли в наклоне головы.

А может, это просто моя буйная фантазия?

В Шереметьево меня встречает водитель. Добираюсь до своего пентхауса далеко за полночь.

Принимаю горячий душ и валюсь в кровать.

И всю ночь целую Алису и пропускаю ее длинные шелковые волосы сквозь пальцы. А ее пацан зовет меня папой...

Глава 3

Алиса

Открываю дверь в нашу съемную квартирку и сразу чувствую, как холод пробирает до костей. Опять батареи еле теплые. Хозяин квартиры экономит на отоплении, а мне остается только кутать Сережку в два одеяла и молиться, чтобы не заболел.

— Мам, а баб Ньюся уже спит? — шепотом спрашивает Сережка, стаскивая промокшие ботинки.

— Наверное, сынок. Она же любит пораньше ложиться. Мой ручки и сразу носки шерстяные надень.

Пока он копается в своем уголке, я ставлю чайник и достаю из пакета три мандарина. Всего три. Больше не смогла себе позволить, зарплату опять задерживают, а от аванса почти ничего не осталось.

— Мам, а этот Дед Молоз был немного стланный, — Сережка заходит в кухню в теплой пижаме, которую ему подарила соседка. — Голос у него молодой был.

— Наверное, яблочками молодильными угостил кто-то, — отмахиваюсь я, хотя сердце предательски замирает.

Потому что в этом псевдо-Деде Морозе я уловила что-то жутко знакомое. То ли взгляд, то ли манера держаться. Сама не знаю, из-за чего именно мое сердце на пару мгновений как будто замерло, забывая биться.

На долю секунды мне показалось, что это мой бывший в костюме Деда Мороза.

Нет. Это просто усталость. Алексей Болгарев в этой дыре? Он по части Куршевелей да Мальдив. С подходящей по статусу и положению спутницей...

— Мам, ты чего грустная? — Сережка обнимает меня за талию, и я глажу его по голове.

— Устала просто. Давай чай пить и спать.

Укладываю сына, целую в макушку и иду на кухню доедать остывшую гречку. Сил готовить что-то еще нет. Да и не из чего.

Сажусь у окна и смотрю на заснеженный двор. Шесть лет. Шесть лет я одна. Одна воспитываю Сережку, одна несу всю ответственность, одна переживаю бессонные ночи, когда он болеет.

А все из-за кого? Из-за Алексея Болгарева, который решил, что я — очередная охотница за его деньгами.

Память предательски подкидывает картинку: я, рыдающая, стоящая на пороге его квартиры. Умоляющая поверить, что не изменяла. Что никогда не была в квартире его брата. Что люблю только его одного.

— Я видел, как ты выходила от него в семь утра. Собирай вещи и переезжай к тому, с кем спишь, — холодно бросил он тогда. — Здесь тебе не обломится.

— Но я там не была! Леш, клянусь тебе!

— Хватит врать! И больше не появляйся.

Я ушла. С разбитым сердцем и без гроша в кармане. Жила несколько недель у подруги в общежитии. Мои родители к тому времени умерли, оставался только дядя — брат мамы — в маленьком захолустном городке, но как с ним связаться, я не знала. Отправила телеграмму, но ответа не получила.

Две недели я пыталась дозвониться до Алексея. Писала сообщения, но он заблокировал мой номер.

А потом меня стало тошнить по утрам, я сделала тест, и две полоски навсегда разделили мою жизнь на до и после.

Я была беременна от мужчины, который считал меня лживой изменщицей.

Помню, как сидела на полу в крошечной комнате общаги и рыдала. Как хотела позвонить Алексею, сказать ему. Но что толку? Он же не поверит. Скажет, что это от его брата. Или вообще от кого-то третьего.

Но подруга уговорила меня на отчаянный шаг — приехать к Леше в квартиру и еще раз поговорить, объяснить, что я не виновата. Что я люблю его. Что готова на детектор лжи, на любые проверки — только бы он поверил.

Но дверь мне открыла его мать — Изабелла Сергеевна. Холодная, как айсберг, женщина в дорогом костюме.

— Алиса? — она удивленно приподняла бровь. — А Леша нет в городе. Я вот цветочки заехала к нему полить. Но ты проходи, — неожиданно мягко предложила она.

Мы сели на кухне. Изабелла Сергеевна заварила чай, и это было так странно — видеть ее почти... человеческой.

— Алиса, мне нужно кое-что тебе сказать, — начала она, помешивая сахар в чашке. — Я знаю, что у вас с Лешей разлад, знаю, как тебе сейчас тяжело. И я хочу помочь. По-женски.

— Что вы имеете в виду? — настороженно спросила я.

Она вздохнула и посмотрела мне в глаза.

— Я на твоей стороне, девочка. На самом деле. И я должна рассказать тебе правду, потому что не хочу, чтобы ты продолжала страдать из-за человека, который тебя не ценит.

У меня похолодело внутри.

— Алексей расстался с тобой не из-за твоей измены, — продолжила мать Леша. — То, что ты оказалась тогда в доме Вани, ни о чем не говорит. Но это оказалось очень удобной причиной, чтобы расстаться с тобой. Понимаешь, он просто возобновил отношения со своей бывшей девушкой. С Алиной. Они встречались до тебя, но расстались. А потом появилась ты. И Леша начал встречаться с тобой назло Алине. Чтобы показать, что не нуждается в ней.

— Нет, — прошептала я. — Это неправда...

— Посмотри сама, — она достала телефон и протянула мне.

На экране была фотография с какого-то роскошного праздника. Алексей в дорогом костюме танцевал с высокой блондинкой в вечернем платье. Они улыбались друг другу. Он обнимал ее за талию так нежно, так естественно...

— Это было месяц назад, — пояснила Изабелла Сергеевна. — На юбилее отца Алексея. Я, признаться, удивлялась тогда, почему Алексей не пригласил тебя на такое важное мероприятие, а пришел с Алиной. Теперь-то я понимаю — они уже тогда были вместе.

Она листала дальше. Алексей и эта Алина за столом, смеются над чем-то. Алексей целует ее в щеку. Алексей держит ее за руку.

Слезы хлынули из глаз раньше, чем я успела их остановить. Я всхлипнула, закрыв лицо руками.

— Вот именно поэтому я и решила все тебе рассказать, раз ты оказалась здесь, — Изабелла Сергеевна забрала телефон и положила руку мне на плечо. — Алиса, милая. Даже хорошо, что все открылось сейчас, а не позже. Представь, если бы ты, например, забеременела от него? Вот это была бы настоящая катастрофа. А так... ты молодая, красивая. Переживешь, найдешь достойного мужчину.

Я рыдала, не в силах произнести ни слова.

— Оставь его, Алиса. Не унижайся больше. Не пытайся доказать ему свою невиновность. Он все равно вернется к Алине. Они из одного круга... — Она встала и налила мне воды. — Выпей и иди домой. Забудь моего недостойного сына.

Я вышла из квартиры и только на улице поняла, что забыла попрощаться. Но возвращаться уже не было сил.

Я уехала к дяде практически наугад. Решила на месте разобраться, примет он меня или нет. Оказалось, что дядя попал в больницу с инсультом. И через неделю после моего приезда умер. Его дом оказался заложен банку, и его забрали.

Я осталась совершенно одна — беременная двадцатидвухлетняя девушка с незаконченным высшим образованием в забытом богом городке.

Я устроилась работать на мясокомбинат, потому что работникам без семьи выделяли комнату в общежитии. Было трудно работать с токсикозом, унижительно ловить на себе косые взгляды, когда живот стал заметен.

Сердце сжималось от боли, когда на выписке медсестра лишь хмыкнула и вручила заматанного в голубое одеяльце Сережку, когда поняла, что за мной никто не приедет.

Но даже тогда я не стала искать способ сообщить Леше о сыне. Зачем мне нужен мужчина, для которого я была просто способом досадить бывшей? Зачем моему ребенку отец, который встречался с его матерью назло другой женщине?

Нет. Я справлюсь сама.

Злюсь на себя за все эти воспоминания и ворочаюсь на узком диване без сна.

— Мам! — вдруг раздается сонный голос Сережки. — Мне Васька приснился. Мы с ним иглали, и он был толстый и довольный!

— Спи, сынок. Обязательно покормим Ваську завтра.

— А Дед Молоз обещал мое желание исполнить!

— Какое желание? — подхожу к его кровати и поправляю сползшее одеяло.

— Чтобы мы переехали от злого Балмалея. И чтобы папа велнулся, — Сережка зевает и закрывает глаза.

У меня перехватывает горло. Господи, как же мне хочется дать ему больше! Нормальную квартиру, игрушки, логопеда, одежду, которая не донашивается за соседскими детьми!

Но у меня нет ни связей, ни возможностей, позволяющих в этом городе зарабатывать больше. За несколько лет работы на мясокомбинате я дослужилась до старшей упаковщицы. Зарплаты у младшего рабочего персонала смешные, а с незаконченным экономическим в более перспективный отдел не пробиться. Других предприятий в нашем городе нет, поэтому я еще подрабатываю вечерней уборщицей в супермаркете возле дома и иногда помогаю выкладывать им товар.

У меня есть только руки, желание работать и сын, которого я люблю больше жизни.

И есть злость. На Алексея Болгарева, который выбросил меня, как надоевшую игрушку. На его мать, которая своими фотографиями убила последнюю надежду. На себя, за то, что до сих пор, спустя почти семь лет, вспоминаю его прикосновения и тоскую по тем временам, когда была по-настоящему счастлива.

Целую Сережку в лоб и иду к себе. Завтра новый день. Завтра я снова буду биться за выживание.

А сегодня позволю себе тихо поплакать в подушку.

Глава 4

Алексей

Звонок от Вадика раздается, когда я сижу в машине по пути на семейный ужин к матери.

— Алексей Иванович, информация по Ереминой Алисе Александровне готова.

— Слушаю, — коротко бросаю я, чувствуя, как напрягаюсь.

— Двадцать семь лет, проживает в городе Семеновск последние шесть с половиной лет.

Работает на мясоперерабатывающем комбинате города старшей упаковщицей, подрабатывает уборщицей в супермаркете «Пятерочка». Замужем не была, на учете в качестве матери-одиночки. Имеет сына Сергея Еремина, дата рождения — двадцать третье июля две тысячи девятнадцатого года.

Июль две тысячи девятнадцатого... Я быстро считаю в уме. Если отсчитать девять месяцев назад, получается...

Черт.

— Продолжай, — хрипло говорю я.

— Проживает в съемной квартире на улице Заводской, дом двенадцать, квартира пять. До этого жила в общежитии комбината, но была выселена пять лет назад в связи с наличием ребенка — правила общежития запрещают проживание с детьми. Кредитов нет, долгов нет, судимостей нет. Образование незаконченное высшее, экономический факультет МГУ, отчислена после третьего курса.

— Достаточно, — обрываю я его и нажимаю отбой.

Июль две тысячи девятнадцатого. Мы расстались в октябре восемнадцатого.

Я откидываюсь на сиденье и закрываю глаза. Мальчишка — мой? Но почему она молчала? Почему не сказала?

Хотя... о чем я? Я же выгнал ее, не дав сказать ни слова. Заблокировал номер. Боже, что я наделал?

Так, стоп. Еще неизвестно, от меня ли ее ребенок.

Машина останавливается у родительского особняка. Водитель открывает дверь, но я не тороплюсь выходить. Нужно успокоиться и взять себя в руки.

Внутри уже все в сборе. Мать элегантна, как всегда. Алина в серебристом облегающем платье увлеченно рассказывает что-то о новой коллекции Шанель. Иван развалился в кресле с бокалом виски рядом с отцом.

— Котик, наконец-то! — Алина кидается мне на шею, но я механически целую ее в щеку и отстраняюсь.

— Алеша, ты как-то бледен, — замечает мать. — Дорога утомила?

— Немного, — коротко отвечаю я и направляюсь к брату.

— Давай выйдем? — говорю я негромко.

Иван удивленно поднимает бровь, но встает.

Мы выходим в оранжерею, где мать развела какие-то яркие цветы. Засовываю руки в карманы брюк и поворачиваюсь к старшему брату.

— Почему ты не признал ребенка от Алисы? — выпаливаю в лоб.

Иван застывает с бокалом в руке.

— Чего? — на его лице полное недоумение. — О чем ты? Какая Алиса?

— Алиса Еремина, моя бывшая девушка. У нее есть сын шести лет. Почему ты его не признал?

Ваня ставит бокал на узкий подоконник и проводит рукой по лицу.

— Ааа, Алиса... Ну я вообще понятия не имел, что у нее ребенок.

— Ну, если спать с девушкой, то очень возможно, что она залетит от тебя, — иронично копирую Ваню и замечаю на его лице замешательство.

— Так я и не спал с ней, — Иван смотрит на меня как на сумасшедшего. — Леха, ты о чем вообще?

Я чувствую, как земля уходит из-под ног.

— Но... ты сам признался тогда. Я спросил тебя напрямую, а ты сказал, что все телки одинаковые...

— Леха, это же была просто фраза! Общая! — Ваня нервно передергивает плечами.

В ушах начинает шуметь пульс. Выхожу из оранжереи и иду в гостиную.

— Алеша, ужин подадут с минуты на минуту. Все к столу! — улыбается мать, приглашая всех повелительным жестом.

— Котик, что случилось? — Алина верно считывает мое выражение лица.

— Тебя это не касается.

Мы садимся за стол. Иван заходит следом, озадаченный.

Официанты подают первое блюдо, но я отодвигаю тарелку.

— Как прошла поездка, дорогой? — спрашивает мать, изящно макая ложку в суп.

— Познавательное, — сухо отвечаю я. — Встретил там одного мальчика шести лет. Очень умного и воспитанного.

Мать бросает на меня быстрый взгляд, но продолжает есть.

— Знаешь, мам, все в жизни происходит вовремя, — продолжаю я, цитируя ее любимую фразу. — Вот ты всегда говоришь об этом. Что все к лучшему.

— Конечно, Алешенька. Мы с тобой столько раз убеждались в этом.

— Вот и я думаю, как хорошо, что когда-то вовремя удалось избавиться от провинциалки, которая могла испортить мне жизнь, — я смотрю матери прямо в глаза.

Изабелла Сергеевна замирает с ложкой на полпути ко рту.

— О ком ты говоришь, дорогой?

— Об Алисе Ереминой. Помнишь такую?

Алина резко ставит бокал.

— Леша, зачем ты вспоминаешь о той жалкой студентке?

— А ты откуда знаешь, о ком я? — поворачиваюсь я к невесте. — Я же никогда не упоминал ее имени до этого момента.

Алина бледнеет.

— Ну... ты рассказывал...

— Я никогда тебе о ней не рассказывал, — я встаю из-за стола. — Значит, ты знала. Знала обо всем.

Мать откладывает ложку.

— Алексей, не устраивай сцен. Это было давно. Та девушка была тебе не пара, и слава богу, что все так вышло.

— Как именно вышло, мама? — упираюсь руками в стол и наклоняюсь к ней. — Расскажи мне во всех подробностях. Как именно ты подстроила эту историю с ее «изменой»? — изображаю руками кавычки.

— Алеша, не говори глупостей... — встревает отец.

— Мама! — рычу я, не обращая внимания на отца. — Хватит врать!

Мать выпрямляется в кресле. На лице появляется привычное холодное выражение.

— Хорошо. Да, я попросила сделать видео твоей девицы рано утром около дома Ивана. Деревенскую дурочку было несложно заставить зайти в тот дом. Но, Алеша, я лишь показала тебе видео. Выводы ты сделал сам.

— Господи... — Иван хватается за голову. — Мам, ты что творишь?

— То, что нужно для блага семьи! — отрезает мать. — Эта Алиса была никем! Дочерью нищих учителей из провинции! Какая от нее польза? А Алина — из хорошей семьи, с деньгами, связями!

— И ты знала об этом? — поворачиваюсь я к Алине.

Она молчит, опустив глаза.

— Отвечай!

— Да! — выкрикивает она. — Да, знала! Я любила тебя, Леша! Любила и хотела вернуть!

— Вернуть? — я зло усмехаюсь. — Ты хотела получить выгодную партию! А заодно растоптать чужую жизнь!

— Алеша, успокойся, — мать встает. — Эта девушка наверняка прекрасно устроилась. Работает, живет...

— В нищете! — ору я. — С моим сыном! Которого я не видел шесть лет, потому что ты все подстроила!

Повисает тишина.

— С твоим... сыном? — медленно переспрашивает мать.

— Да. С моим.

Я разворачиваюсь и иду к выходу.

— Алексей! Куда ты?! — кричит мать.

— Исправлять ваши ошибки! — бросаю через плечо.

— Котик, стой! — Алина пытается схватить меня за руку, но я отдергиваю.

— Проваливай к черту. Свадьбы не будет.

Выхожу из дома, сажусь в машину.

— В аэропорт, — говорю водителю. — Максимально быстро.

По дороге достаю телефон и набираю помощника.

— Подготовь самолет и найди лучших адвокатов по семейному праву.

— Есть, Алексей Иванович.

Откидываюсь на сиденье. У меня есть сын. Сын, которого я бросил вместе с его матерью. Который живет в нищете и холоде, ворует просроченную колбасу для бездомного кота и мечтает, чтобы вернулся папа.

Алиса молчала шесть лет. Не просила денег и не шантажировала. Она растила нашего ребенка одна.

А я... я верил лжи.

Но теперь я все исправлю. Заберу их в Москву. Дам Сереже все, чего он заслуживает. И Алисе тоже.

Даже если она возненавидит меня за все, что я сделал — неважно. Главное, чтобы мой сын больше никогда не мерз, не голодал и не воровал еду для котов.

Машина подъезжает к аэропорту. Я выхожу и иду к ангару, где уже готовят к вылету мой самолет.

Глава 5

Алиса

Вечером тридцать первого декабря я накрываю на стол на крошечной кухоньке, а Сережка крутится рядом, помогая расставлять тарелки.

— Мам, а можно я Ваське кусочек колбаски от оливье оставлю? — спрашивает он, украдкой пряча ломтик в салфетку.

Я улыбаюсь и достаю из холодильника баночку кошачьих консервов.

— А я уже купила Ваське к празднику специальный подарок. Вот, смотри.

Сережка разворачивается ко мне, и его глаза становятся огромными.

— Это Ваське? Настоящая кошачья консерва?

— Настоящая, — киваю я. — Завтра отнесем ему. Пусть тоже Новый год встретит по-человечески.

Сережка бросается ко мне и обнимает за талию.

— Ты самая лучшая мама на свете!

У меня перехватывает горло. Господи, как же я люблю сына. Как хочу дать ему больше, чем банку дешевых консервов для бездомного кота.

— Мам, а ты знаешь, что бы я еще хотел? — мечтательно говорит Сережка, отпуская меня и снова занимаясь салатом.

— Что же?

— Собаку. Большую. Или хотя бы следнюю. Я бы ее выгуливал, и колмил, и мыл.

Он замолкает, а потом добавляет тише:

— Ну, когда у нас будет большой дом свой.

Слезы подступают к горлу, и я отворачиваюсь к плите, делая вид, что помешиваю что-то в кастрюле.

Большой дом. Собака. Такие простые детские мечты. Но для меня — абсолютно несбыточные.

Особенно после того, что я узнала сегодня утром на работе.

Комбинат покупают. Какой-то московский инвестор. Говорят, он полностью модернизирует производство. Заменит людей на автоматизированные системы упаковки. А это значит, что большую часть рабочих сократят.

Меня в первую очередь. Мать-одиночка с незаконченным высшим — идеальная кандидатура на увольнение.

Что я буду делать? Где искать работу в этом городке, где и так ничего нет?

— Мам, а что ты мешаешь? Там же только вода в кастрюле, — голос Сережки возвращает меня к реальности.

— Ой, — я быстро вытираю глаза. — Задумалась. Давай лучше салат доделаем. Вот, выдави майонез и размешай.

Прогоняю тяжелые мысли. Сегодня праздник. Пусть у нас почти нет денег, пусть впереди неизвестность — сегодня я должна подарить сыну радость.

Я расставляю на столе наш скромный праздничный ужин: оливье, винегрет, нарезку из самой дешевой колбасы, мандарины. В духовке допекается маленькая курица — единственное мясное горячее, которое я могла себе позволить.

Сережка торжественно несет из комнаты еловую ветку в вазе. Я нашла ее вчера на елочном базаре, когда продавцы уже собирались закрываться. Они отдали мне ее бесплатно — все равно выбрасывать.

Мы украсили ветку самодельными игрушками из бумаги, и теперь она стоит на столе, почти как настоящая елка.

Под веткой лежит скромный подарок — новые шерстяные носки и шапка для Сережки. Старая шапка совсем тонкая, для наших морозов не подходит. Я копила на эти носки и шапку два месяца.

— Мам, а можно я уже откложу подалок? — нетерпеливо спрашивает Сережка.

— После боя курантов, как положено, — улыбаюсь я.

Он надувает губы, но послушно кивает.

Достаю из холодильника бутылку с лимонадом и включаю телевизор. До полуночи двадцать минут.

Сережка забирается ко мне на колени, и мы сидим, прижавшись друг к другу, глядя на экран, где празднично одетые певцы и артисты поют и танцуют.

Я обнимаю сына и думаю о том, что, несмотря ни на что, я счастлива. Потому что у меня есть смысл: мой мальчик. Мое все.

И тут в дверь звонят.

Я вздрагиваю. Кто это может быть в такое время? Соседка баба Нюся уже спит — она всегда рано ложится.

— Кто это? — удивленно спрашивает Сережка.

— Не знаю, сынок.

Открываю дверь и застываю на месте, увидев на лестничной площадке убогого подъезда Алексея Болгарева.

Не может быть. Это галлюцинация. Усталость. Стресс.

Я зажмуриваюсь и снова смотрю на него. Но он и не думает исчезать.

Я не могу пошевелиться. Не могу дышать. Не могу думать.

Что он здесь делает? Почему он пришел? Зачем?

— Здравствуй, Алиса, — раздается его знакомый до боли голос, который я слышала во снах все эти годы.

— Мам! — Сережка выглядывает из-за меня. — Это кто?

Я судорожно сглатываю и не могу произнести ни слова.

— Твой папа, — отвечает Болгарев вместо меня...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.